Камыши

Всеволод Иванов

SHOUT
SHARE
IT

- Всеволод Иванов
  - Всеволод Иванов

Всеволод Иванов
Камыши

Всеволод Иванов
Камыши

Солнце в камышах жирное и пестрое, как праздничный халат ламы. А тина зеленая водяная смола - пахнет карасями.

И рукам моим хочется плыть, - под камышами, по тине, - лениво разгребая густые и пахучие воды.

Но я не плыву. Этот единственный день я отдал своему телу, и руки пусть лежат на траве спокойно.

Вот комар опустился ко мне на бровь; я чувствую,, он расставил тонкие, как паутинка, лапки и медленно погружает в меня свое жало. Я ему сегодня не мешаю, я закрываю накаленные солнцем веки и считаю, сколько раз шипящий у моего уха лист травы коснется моих волос.

- Четыре... семь... восемь...

Если чет - меня убьют, если нет - убегу. В поселке атамановский отряд, и станичному приказано меня выдать. Выдаст ли?

- Двенадцать... тринадцать... пятнадцать...

Ерунда! Трава отбежала от моих волос, но я не верю. Я говорю ей:

- Шестнадцать!

И пригибаю ее к своей голове. Она сердится.

Сломана.

Зеленоватая гагара, раздавливая воды сапфирной грудью, выплывает из протока. Она медленно опускает в воду синий клюв, перья у нее на шее редеют, тело жадно вздрагивает, - она кого-то нашла.

Здесь я сгоняю комара с брови и лениво смотрю, как, колыхая алым брюшком, наполненным моей кровью, он летит.

И в жилы мои вползают такие ленивые и тягучие воды.

Сердце плывет далеко - жирный и зеленый карась. Больше всего нагрелись колени и лоб - три моих паперти.

Мысли мои идут, как монахи со свечами, медленно. Вдруг один за другим падают на руки черные капюшоны, и усатые загорелые рожи громко хохочут. Это когда я подумал о папертях.

Я глажу колени и лоб. Смеюсь.

Лама в пестром халате, похожем на солнце в камышах, говорил мне у развалин Каракорума.

- Жизнь человеческая - как камни. Ветры проходят, и остаются пески. Здесь жил Батый и Тамерлан, тебе чего нужно?

Я рассмеялся почтенному ламе в его узкие губы.

- Я иду с одним ослом и Батыем и Тамерланом не буду, а любви у меня больше тебя и больше их...

Осел, широко расставив тонкие и пыльные ноги, отвесив губу, мычал через нос. А на губе у него сидела сизая муха. Такая же муха сидела на халате ламы и у меня на плече.

Мы, выпив молока, пошли дальше, а лама остался размышлять о Батые, Тамерлане и о камнях, превращающихся в пески.

Почему я вспомнил о ламе?

Не знаю, может быть, солнце, лежащее в камышах, похоже на его халат.

От плеча до локтя в тело вдавливается палка, но мне не хочется ложиться на спину. Палка эта гнилая, и к тому времени, когда мне крикнут, она будет раздавлена. У ней - я помню - бледно-сероватая с тоненькими узелками кора, - может быть, береза. Я вспоминаю холодный березовый сок - его весной хорошо тянуть через соломинку. Земля еще холодная, но ветер тугой, теплый, гнет шею; березовый ствол дрожит от верха до черной коры корней, дрожит, отдавая своц соки. Дальше я вспоминаю березовую луку своего седла и опять смеюсь:

- Нет, атамановцы меня не поймают!

Зеленая клейкая влага трав на моих ладонях, она заклеивает те дороги, по которым прошла моя жизнь, и рука моя похожа на лист, пальцы как жилы, у их основания серые мозоли от вожжей. Кто много едет, тот знает куда!

Так идет время. Все неподвижнее и тяжелее вдавливаются в землю воды. Камыши прямеют, тянутся кверху, напряженно звеня листьями. Рыбы отрываются от дна, всплывают, их плавники в зеленоватой воде похожи на желтоватую пыль. Мне кажется, я вижу их мутно-алые сонные зеницы, рыбы подплывают к солнцу, чтобы пробудиться. Я ложусь затылком на теплые ленты травы, и лицо мое обращается к небу. Оно все такое, как и тогда, когда меня не было, и, может быть, поэтому я не люблю на него смотреть. Здесь у меня каждый год рождаются листья, и земля - тучная и широкая - любит меня по-своему.

Опять я гляжу, как воды поглощают время. Руки мои тянутся к ним ударить широко и звонко сонную муть, чтоб эти широкие рыбы испуганно метнулись по озеру и вдавили б в свой мозг, какое оно, их царство маленькяе.

Нужно ли это?

Сегодня будем думать, что не нужно.

Я кладу руку на траву и стараюсь пальцами узнать ее цвет.

Я закрываю глаза, у меня ясно мелькает: мягкая, длинная, пахучая полоса - зеленая, уже, жестче - зеленовато-желтая, а вот

эта, почти круглая, красная..

Я открываю глаза - круглая красная трава.

Нужно помнить - осень. В пальцах у меня круглая красная трава. Я ее ломаю и говорю:

- Осень.

Камыши темнеют. Они как нити, соединявшие облака и землю. Они как перегородка, закрывающая хозяина, перегородка в большой юрте.

Тело мое устает. Я подхожу к водам и умываюсь. Капли с моих рук тихо и тягуче, как мед, медленно всасываются озером.

В камышах свистят. Широкое копыто звучно чмокает у кочек. Я опускаю челюсть, рот у меня выпрямляется, и губы нарезают свист:

- Сссс... сссс...

В камышах харкнули. Мягко шевеля крылом листья, взлетает над моей головой птица. Человек смеется:

- Чтобы те язвило!

Я вспоминаю палку, на которой лежал. Давлю ее каблуком.

- Лукьян, ты?

- Я, парень; птица, чтоб ее трафило, прямо в нос хвостом.

Ну, ты как?

- Готов.

Он наклоняется и, откинув гриву, шлепает коня в потную шею; вытирает пот о голенища и говорит:

- Садись рядом. Ишшут вас здорово, найдут - кончут.

Там, подале, я лошадь оставил, в аул Бикметжанки поедешь, знаешь?

- Нет. Где он, аул? Не знаю.

- Ну? Прямо валяй через степь, на солнце. Найдешь. Твои все тамотка, ждут.

Через степь - на солнце.

Через степь - на радость.

Через степь - вперед.

Пройдем и проедем степи. Пески превратим в камни. Камни - в хлеб.

Веселых дней моих звенящая пе.на.

- Будь!

1921

ИВАНОВ Всеволод Вячеславович (1895 - 1963). Камыши. Впервые под названием "День" опубликован в приложении к газете "Петроградская правда". - Литературная неделя, 1922, № 163, 23 июля. Печатается по изданию: Иванов Всеволод. Собр. соч. в 8-ми т.. т. 2.

М.. Художественная литература, 1974.